

■ Академики

Арнольд Смеянович:

«Моя большая наука — в операционной»

ОДНА ИЗ УНИКАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЗАВЕДУЮЩЕГО

отделом нейрохирургии РНПЦ неврологии и нейрохирургии — завидное долгожительство в практической хирургии. Скоро 80-летие, а Арнольд Федорович в операционной 3–4 часа каждый день, за исключением пятницы, и этот ритм не меняется уже многие десятилетия. Берется за самые трудные случаи — опухоли основания черепа и пинеальной области, злокачественные опухоли мозга, сложные аневризмы. Перед дверью его кабинета толпа желающих получить консультацию — обычная картина.

Вот и в назначенное для интервью время в коридоре аншлаг. Выглядывает Арнольд Федорович — а к нему двое мужчин. С ходу признаются, что направления у них нет, но зато они из Дрибина, где почти шестьдесят лет назад будущий академик начинал свою врачебную карьеру...

Профессор в ответ улыбается:

— Да, там я после института три года отработал, хорошую школу прошел, — и приглашает нежданных посетителей войти.

Такой уж принцип у Арнольда Смеяновича — никому, кто к нему обращается за помощью, не отказывать.

Нейрохирург № 1 в Беларуси поделился с корреспондентом «Медицинского вестника» секретом своего хирургического долгожительства, рассказал о новом способе лечения рака мозга, предложенном его учениками, и объяснил, отчего молодежи полезно поработать в глубинке...

ПОЧЕМУ СКАЛЬПЕЛЬ НЕПОДВЛАСТЕН ВРЕМЕНИ

Лет пять назад в одном из интервью вы сказали, что перестанете оперировать, когда руки дрожать начнут. Но по

сей день в боевом строю. Вы из особенного теста, что ли? Из такого же, как и все. Конечно, благодарю судьбу за то, что миновали меня серьезные болячки, за неплохую наследственность — в роду по материнской линии было несколько долгожителей. Но ничего сверхудивительного в большом хирургическом стаже не вижу. Российский академик Федор Углов успешно оперировал в 100 лет. Правда, в этом возрасте рядом уже несколько ассистентов стояли, страховали, но в 90, точно знаю, без всякой помощи справлялся.

Пока я чувствую себя уверенно в операционной и по-прежнему получаю удовольствие от работы. Прекратить меня заставит только ощущение, что не смогу сделать того, чего требует клиническая ситуация.

Но ведь вы могли сосредоточиться на исследовательской работе и подготовке учеников... А что для врача может быть важнее больных? Самые передовые разработки теряют свою значимость, если не находят воплощения в конкретном случае. Конечно, рабочий день не резиновый, и порой приходится выбирать. Чего тут скрывать: если конференция или тема ученого совета у меня не вызывает особого интереса, я предпочту работу в операционной.

Самая незавидная, на мой взгляд, участь для любого уважающего себя специалиста — быть свадебным генералом, числиться «для престижа», удерживаясь за счет старых заслуг. Академик-медик не должен быть сухим теоретиком. Он как летчик в звании генерала: должен управлять самолетом не хуже полковника или лейтенанта.

НЕТ В МЕДИЦИНЕ МАЛЕНЬКИХ РОЛЕЙ

Хороших ученых много, а академиков по пальцам пересчитать. Кто, на ваш взгляд, достоин этого звания? Я вообще не считаю звание академика вершиной. Это просто признание твоей работы сообществом ученых страны. В здравоохранении есть специалисты без академических званий, которые делают большие открытия, выполняют глубокие исследования, являются основателями значимых научных школ.

Далеко ходить за примерами не надо — мой учитель профессор Эфраим Исаакович Злотник не был академиком, всю жизнь руководил отделом нейрохирургии, но был личностью с большой буквы, лауреатом Госпремии СССР. Имя его знали во всех уголках Союза, приезжали к нему учиться, его оценкой руководствовались.

Когда я подавал заявку на звание члена-корреспондента, на два места претендовали 10 профессоров. У всех за плечами солидный исследовательский багаж.

■ Академики

За кого из членов-корреспондентов вы сейчас отдали бы свой голос, чтобы пополнить ряды академиков? Есть из кого выбирать. Директор РНПЦ травматологии и ортопедии Александр Белецкий, заведующий 2-й кафедрой хирургических болезней БГМУ Станислав Третяк, заместитель директора Института физиологии НАН Беларуси Владимир Кульчицкий, заведующий кафедрой хирургии БелМАПО Александр Воробей...

Каково главное условие продвижения нейрохирурга в науке и практике? После любого малого успеха нужно поскорее забыть о нем и стремиться овладеть новым. Для меня показательными в этом плане были уроки Эфраима Исааковича. Когда я, новоиспеченный врач, отработавший три года в Дрибинской больнице, приехал ему показаться, он сказал: «Возьму вас к себе с условием, что забудете все, что умеете. Начнем с того, что будете вязать узлы». А я тогда уже вовсю аппендициты, прободные язвы и паховые грыжи оперировал, останавливал кровотечения после криминальных абортот. Тем не менее согласился, потому что очень хотел стать нейрохирургом.

Как потом выяснилось, предложением начать с нуля Злотник тестировал молодых, и многие кандидаты после него отсеивались. Если бы и я принялся выяснять, зачем такой «ерундой» заниматься, теперь в РНПЦ неврологии и нейрохирургии не работал бы.

Не всем же так везет с именитыми наставниками... Учиться всегда есть у кого, обязательно к каждому звезд хирургии приставлять. Профессионализм — категория, часто не зависящая от должности, которую занимает врач, или от уровня медучреждения, где он работает. Медсестры на районе с 30-летним опытом порой могут больше научить вчерашнего выпускника, чем профессор-теоретик.

До сих пор вспоминаю операционную медсестру из Дрибина Марию Евстафьевну Гуркович, с которой вместе спасали старика с ножевым ранением. Вскрыл живот, подхожу к диафрагме — а оттуда кровь. По ее совету сделал расширение и вижу: фонтанчик бьет из верхушки сердца. Мария Евстафьевна снова дает совет: поставьте тампон, чтобы кровь уходила. Так под ее чутким руководством вытянул душу с того света.

Не понимаю выпускников медвузов, которые ищут пути избежать распределения в глубинку. Район, деревня с ее минимальными техническими возможностями — это великолепная школа практического опыта.

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ И ЧЕСТНОМ ИМЕНИ

Вас никогда не упрекали, что вы не даете дорогу молодым? А как без профессиональной ревности! Сами по себе такие заявления абсурдны. Разве у нас больных мало или единственная операционная на всех нейрохирургов? Некоторые виды вмешательств я вообще уже давно не выполняю, например не устраняю повреждения нервов, сейчас это епархия молодежи. Есть вещи, которые молодые умеют, а я нет, например эндоскопические методики удаления опухолей гипофиза.

А кто хочет в науке продвигаться — в чем проблемы? Бери тему и вперед. И кафедр много, и медучреждений, и направлений. Не получилось в одном месте, начинай в другом.

Вы рассуждаете как человек, которому на профессиональном пути никто никогда не чинил никаких препятствий... Так, наверное, только в сказках бывает. Когда писал кандидатскую, мои материалы с результатами энцефалограмм едва не оказались в... докторской одного из моих научных руководителей. И только вмешательство Эфраима Злотника поспособствовало тому, что мою интеллектуальную собственность «не позаимствовали». Поэтому прекрасно понимаю начинающих исследователей, которые, столкнувшись с подобным, теряют силу духа и завязывают с наукой. Но талантливый и целеустремленный, уверен, всегда пробьется.

Что вы больше всего цените в коллегах? Честность и открытость. Главное — не делать гадостей людям. Горжусь, что за свою долгую профессиональную жизнь не написал ни одной жалобы. И всегда останавливал тех, кто намеревался дать сигнал «наверх» о профессиональной или этической оплошности коллеги. Есть претензии — собрались коллективом, подошли к человеку и открыто высказали свое мнение, потребовали изменений. Толку будет куда больше, чем от доноса.

А пациенты на академика Смеяновича когда-нибудь жаловались? Недавно. И, кстати, единственный раз за почти 60 лет врачебной практики. Ворвался в кабинет мужчина и стал возмущаться: «Где все ваши врачи ходят?» А они на тот момент действительно были заняты — кто в операционной, кто в палатах на обходе. Попросил подождать немного, поинтересовался, в чем проблема. «Вот, маму оперировали...» — начинает посетитель. «А кто?» — интересуюсь. «Какая, — он мне говорит, — разница». Я удивляюсь, как не знать фамилии лечащего врача, и тут мужчина начинает кричать. Общаться с настроенными на скандал я считаю бессмысленным, поэтому попросил покинуть кабинет...

Через день в интернете появился эмоциональный красочный отзыв о том, какой Смеянович грубиян. В жизни не позволял себе повыситься голоса ни на коллегу, ни на пациента, а тут на тебе! Несправедливые обвинения — это очень неприятно.

У известности есть обратная сторона. Пациенты, как правило, желают оперироваться у того, кто уже заработал себе имя в медицине. Как вы реагируете на запросы «мне бы попасть к Смеяновичу»? Обычно если человек хочет, чтобы я его прооперировал, иду на это. Но выполнить просьбы всех, понятно, нереально. У нас много прекрасных хирургов. И если надо убрать грыжу межпозвоночного диска, это хорошо сделает любой начинающий врач. Я рекомендую кого-то конкретно, но при этом общаюсь лично контролирую результаты вмешательства. А вот если вижу, что у человека опухоль, да еще расположена в коварном месте, обязательно беру этот случай сам.

Если на что-то есть спрос, это со счетов не сбросишь. Я, например, не сторонник консультировать на платной основе, но люди хотели, и администрация центра пошла им навстречу — меня убедили в необходимости вести платный прием. Поэтому по средам несколько человек по записи приходят со своими проблемами.

ХИРУРГ ДОЛЖЕН ВИДЕТЬ ВАРИАНТЫ ОПЕРАЦИИ

Как вы готовитесь к хирургическому вмешательству? Операция вначале происходит в моей голове. После знакомства

со снимками и другими данными обследований визуально представляю себе будущее операционное поле и хронологию своих действий. Как кадры киноленты, прокручиваю несколько вариантов техники. По ходу операции выбираю оптимальный.

От кого впервые услышали восхищенное «Вы классный хирург»? Да я на это вообще внимания не обращаю! Профессионал так никогда не скажет, пациенты в тонкостях хирургических техник не разбираются. Такие комплименты, как правило, проявление лести, желания что-то получить.

Я должен сам быть доволен собой, убедиться, что операция действительно помогла человеку. Нейрохирургия уступает по сложности только кардиохирургии. Операция на головном мозге сопряжена с огромными рисками: лишний миллиметр в сторону — и повреждены нервные клетки: человек перекосит, речь откажет или нога с рукой перестанут работать...

Недавно удалял опухоль, исходившую из ствола головного мозга. Предполагал, что будут нарушения с речью или движениями. Опухоль размером с каштан находилась в четвертом желудочке мозга, где небольшое, в форме паруса, пространство. Заходя в ту полость, рассекали червь мозжечка... Но пациентка после операции сразу заговорила. Вот это действительно приятно!

Какую самую большую опухоль удалили? На прошлой неделе у 70-летней женщины. Справа и слева в мозговой ткани новообразования величиной с теннисный шарик каждое. Технически для меня это несложное вмешательство, потому что выполнялось открытым доступом, границы четко очерчены, а данные дооперационной диагностики совпадали с полученными во время операции.

У пациентки это вторая по счету открытая операция на головном мозге, у нее половины черепа нет. После удаления опухоли мы поставили титановую пластину.

Женщина оказалась большой оптимисткой. Шутит на обходе: «А звенеть моя титановая голова не будет?» Я отвечаю: «Нет». — «Тогда я спокойна».

Чем известен

ИЗУЧИЛ проблемы диагностики и хирургического лечения артериальных аневризм и других сосудистых образований головного мозга.

РАЗРАБОТАЛ методику комплексного хирургического восстановления функции верхней конечности при повреждениях плечевого сплетения, не имеющую аналогов в мире, микрохирургическую технологию тотального удаления невринома, оригинальные методики лечения нейроонкологических больных.

ПОДГОТОВИЛ четырех докторов наук, 22 кандидата. Академик НАН Беларуси (с 2009-го, член-корреспондент с 2004-го). Лауреат Госпремии Республики Беларусь за достижения в науке в соавторстве (1994), заслуженный деятель науки (1998). Автор около 500 научных работ.

■ Академики

Арнольд Смеянович:

«Моя большая наука — в операционной»

МОНОПОЛИЗМУ В ХИРУРГИИ НЕ МЕСТО

Лечение злокачественных новообразований в нашей стране — монополия онкологов. Вы тоже занимаетесь удалением таких опухолей в головном мозге... У коллег часом хлеб не отбираете? Этого «хлеба» хватит на всех, пациентов много: только в наш центр каждую неделю поступает человек с нейроонкопатологией. Первопроходцы в области хирургических вмешательств при опухолях мозга в нашей стране именно нейрохирурги. Такие операции начали делать в 1950–1960-е годы, основоположник направления — Эфраим Злотник, у которого я учился. А вот для онкологов это относительно новое направление. Мой ученик Игорь Семак перешел работать в РНПЦ онкологии и медрадиологии им. Н. Н. Александрова, после чего хирургия злокачественных поражений головного мозга там получила развитие. К тому же по отечественному законодательству если родственник или пациент хочет оперироваться у нейрохирурга, он пишет заявление по установленной форме, что будет лечиться у нас, и мы выполняем вмешательство.

Я категорически против монополизма. Он приводит к тому, что сделанные в одном медучреждении ошибки остаются в его стенах и, что хуже всего, могут стать правилом.

Преимущество проведения вмешательства у онкологов в том, что на их базе больному выполняют и лучевую, и химиотерапию. А нам, если потребуется, надо направлять к ним.

ПОДАВЛЯЕМ ГЕРПЕС — ЛЕЧИМ РАК

Операция, к сожалению, не всегда ведет к выздоровлению. Обычно диагнозы глиобластомы или другой опухоли мозга звучат как приговор. Пример — история российской певицы Жанны Фриске. Эта проблема пока не решена нигде в мире, хотя над ней уже десятилетия бьются ученые. Когда-то мои учителя оптимистично заявляли, что в 21-м веке рак будет побежден. Но, увы, воз и ныне там... Поиском методов воздействия на раковые клетки только в Америке занимаются десятки онкоинститутов. Наши ученые тоже не сидят сложа руки.

Высокотехнологичная операция завершена. Арнольд Смеянович со своим ассистентом Антоном Родичем удалили доброкачественную опухоль головного мозга размером 3х4 см у 62-летней женщины. На операционный стол она попала вовремя: хоть образование небольшое, но находилось в опасной зоне — у продольного синуса. Прорастание в него означало бы блокировку кровообращения и смерть. После вмешательства прогноз для жизни и ее качества благоприятный.

Недавно завершена важная, на мой взгляд, исследовательская работа по лечению злокачественных опухолей головного мозга, исполнителями которой были я и моя ученица нейроморфолог Татьяна Жукова, которой недавно присвоили степень доктора мед. наук.

Татьяна Владимировна проанализировала около полутора тысяч онкобиопсий и выявила, что в раковых клетках есть вирус герпеса. Причем он, как выяснилось, способствует бурному росту сосудов, что ведет к разрастанию новообразования. То есть если воздействовать на активность вируса герпеса, одновременно будет сдерживаться развитие опухоли.

В нескольких крупных стационарах, в том числе региональных, в течение трех лет апробировалось такое лечение: после хирургического удаления опухоли до начала химиотерапии пациенты параллельно получали курс из 2 препаратов — ацикловира, обладающего противовирусным действием, и метронидазола, вызывающего разрыв цепей ДНК. Впервые за историю лечения этого заболевания удалось остановить рост опухоли.

А в какой стадии был патологический процесс у исследуемых пациентов? В 2013 году мы отобрали 24 человека с 4-й степенью злокачественности, которая

характеризуется максимальной скоростью роста. В результате скорость уменьшилась втрое. Шесть пролеченных больных живы спустя четыре года после операции. Это великолепный результат.

Выше ли за рубежом эффективность лечения рака мозга? Средняя продолжительность безрецидивного периода после удаления опухоли у больных раком мозга в Европе и Америке — 3–6 месяцев. А после нашего курса — 17 месяцев.

Результаты нашего метода оценили во всем мире. Нам предложили бесплатно опубликовать монографию в Европе и Америке. А российский эксперт профессор Юлия Забродская, заведующая научно-исследовательской лабораторией патанатомии РНХИ им. профессора А. Л. Поленова, предложила выдвинуть работу на статус научного открытия.

ИШЕМИЮ МОЗГА ОСТАНОВЯТ... СТВОЛОВЫЕ КЛЕТКИ

Какие еще заболевания головного мозга требуют, на ваш взгляд, усиленного научного поиска? Лечение ишемических инфарктов мозга (инсультов). Всего 15 % тех, кто перенес эту патологию, полностью восстанавливаются после приступа. Остальные

остаются инвалидами: в зависимости от участка поражения не работают руки, ноги, а некоторые пациенты вовсе оказываются прикованными к постели.

Наш центр, в частности мой ученик доктор мед. наук, профессор Юрий Шанько совместно с сотрудниками Института физиологии НАН Беларуси трудятся над поиском способов предупреждать распространение поражения мозга и восстанавливать нейроны с помощью стволовых клеток.

Важно решить задачу, каким образом доставить стволовые клетки в мозг. Апробируется способ транспортировки по периневральным пространствам. Если технология окажется успешной, то стволовые клетки, достигшие нужных участков мозговых структур, смогут предупредить их вторичное поражение, а значит пациенту можно будет восстановить двигательные функции, речь и т. д.

Уже есть первые положительные результаты, но хочется более значимого статистического подтверждения.

Позволяют ли нынешние технические возможности нейрохирургов реализовывать современные научные идеи в операционной? До того как построили новый операционный модуль в нашем центре, было

Обычно если человек хочет, чтобы я его прооперировал, иду на это.
Но выполнить просьбы всех, понятно, нереально.
У нас много прекрасных хирургов.

Я рекомендую кого-то конкретно, но при этом обещаю лично проконтролировать результаты вмешательства. А вот если вижу, что у человека опухоль, да еще расположена в коварном месте, обязательно беру этот случай сам.

чему завидовать коллегам из-за рубежа. Теперь сложно поверить, но когда-то у нас вообще не было микрохирургических инструментов, делались грубые швы.

Теперь вооружены прекрасными: современные операционные микроскопы и инструментарий, навигация, эндоскопы. Мировой уровень оборудования подтверждают австрийцы, чехи, немцы, которые к нам приезжали.

Однако техника имеет свойство быстро устаревать. Модуль построили в 2013 году... При закупке медоборудования смотрели на перспективу. Удалось убедить Минздрав, что надо получать аппарат МРТ мощностью не в 1,5 тесла, а в 3 тесла. И оказались правы. Сейчас уверены в точности инструментальной диагностики.

О КРЕПОСТИ БРАКА И ГОРОДСКОМ ТРАНСПОРТЕ

От кого вы последний раз слышали жесткую критику? (Задумывается — *Прим. автора*). От жены Тамары Ивановны. Она, кстати, тоже доктор, оториноларинголог...

Вы вместе более полувека. Чем объясните свой крепкий брак — чувством, дарованным свыше, или обоюдными усилиями? И без симпатии нельзя, и без труда тоже. Я свою вторую половину встретил в мединституте. Сыграли студенческую свадьбу в Бобруйске, по месту прохождения практики. Родители об этом узнали уже после того, как в наших паспортах поставили штампы.

Считаю, что брак у человека должен быть единственным. Потому что семья — это тыл. Если попыток несколько, значит, либо партнера неправильно выбрал, либо сохранять отношения не умеешь. Если супруг с недостатками, надо не лениться его воспитывать.

Благодаря поддержке жены мне удалось многого добиться в профессии.

Заразили своих детей медициной? Я большой сторонник врачебных династий, но своего мнения никому не навязывал. Сын заведует нейрохирургическим отделением в РНПЦ неврологии и нейрохирургии, дочь — заместитель директора 9-й стоматологической клиники Минска, внук учится в БГМУ.

По моим наблюдениям, медицинские семьи крепче других,

и если дети идут по стопам родителей, это только на пользу специальности. Основатели врачебных династий, как правило, более требовательны к своим детям-врачам, большего ожидают от них, и это стимулирует добиваться результатов.

Предполагаю, что вы освобождены от всех домашних обязанностей: главный инструмент хирурга — руки — бережете... Не надо так категорично. Супруга с приходом лета часто уезжает на дачу, приедет в выходные, еды приготовит на неделю, а я за два дня все съем (*смеется*). — *Прим. автора*). Поэтому приходится и готовить, и посуду мыть, и иные домашние дела выполнять.

Машину водить любите? Сажусь за руль, только если на дачу собираемся. А на работу езжу на 25-м автобусе. Городской транспорт очень удобный, всегда есть свободные места. Иногда пациентов в автобусе встречаю. У них глаза округляются: «Вот уж не ожидал вас здесь увидеть!»

Ваши ученики рассказывали, что вы фору дадите молодым — по 15 км пешком проходите... (Удивленно вскидывает брови. — *Прим. автора*). 15 километров? Мои ученики преувеличили... Спортом и физкультурой не занимаюсь, диет никаких не придерживаюсь. Главное, в чем надо усердствовать, — сохранять нормальное отношение к жизни и людям. Потому что базовая сила человека — не в крепости мышц, а в чистоте души и ясности мысли.

У вас много книг о святителе Луке, профессоре Войно-Ясенецком. Вы, как и он, верующий доктор? Все эти книги — подарки коллег. Мне довелось посетить место захоронения Войно-Ясенецкого в Симферополе. Он много страдал, подвергался гонениям, но принимал все как благо для себя. Может, потому ему была дарована такая сила духа и способность исцелять.

Верующим в полном смысле этого слова себя назвать не могу. Но в существование законов, по которым все в мире происходит, безусловно, верю. Как и в кармические, причинно-следственные связи. Что посеешь — в работе, отношениях с людьми, семье, — то и пожнешь. Это я не раз замечал.

Елена Клещенок, «МВ».
Фото автора.

Из уст учеников и не только

Юрий Шанько, заместитель директора по научной работе РНПЦ неврологии и нейрохирургии, доктор мед. наук, профессор:

— На то, что Арнольд Смянович в свои почти 80 делает за два часа, иному надо потратить 12 часов. Талантливых хирургов у нас много, а талантливый хирург-оптимист один — Смянович, неслучайно у него фамилия такая. Именно умение сохранять радость и интерес ко всему происходящему при любых обстоятельствах позволило ему, на мой взгляд, стать авторитетом.

Людмила Петрова, заведующая кафедрой оториноларингологии БелМАПО, доктор мед. наук, профессор:

— Арнольд Смянович открыт для общения с любым человеком, будь то коллега, пациент или случайный посетитель, и очень доброжелателен со всеми.

Татьяна Жукова, нейроморфолог РНПЦ травматологии и ортопедии, доктор мед. наук:

— Несколько лет совместной исследовательской работы с Арнольдом Федоровичем — и мне стало ясно, почему хороших хирургов и ученых много, а академик-нейрохирург единственный. Он умеет не просто поддержать и направить ученика, выбравшего нелегкую исследовательскую стезю, он готов сам биться за идею и авторитет другого исследователя. Необыкновенная внутренняя сила, душевная щедрость и доброта, присущие этому человеку, — редкость в наше время.

Андрей Танин, доцент кафедры неврологии и нейрохирургии БелМАПО, директор РНПЦ неврологии и нейрохирургии в 2010–2015 гг., кандидат мед. наук:

— Говорят, если хочешь узнать истинное лицо человека, надо увидеть его в роли подчиненного и в роли руководителя. Мне довелось писать кандидатскую диссертацию у Смяновича, то есть быть его учеником, а также руководить РНПЦ неврологии и нейрохирургии, в котором он работал заведующим отделом нейрохирургии. Могу сделать вывод: Арнольд Федорович на любой должности и в любой роли остается самим собой, сохраняя человечность и ровное отношение ко всем. Он гармоничная личность.

А что касается оценки его как профессионала-практика, то, на мой взгляд, несмотря на то, что его последователи возглавляют профильные отделения и руководят ведущими медучреждениями, равного ему по мастерству нейрохирурга пока в Беларуси нет.

Татьяна Скибицкая, журналист «Медицинского вестника» в 2003–2016 гг.:

— Несколько лет назад пришла в РНПЦ написать об одной из новых малоинвазивных методик. Операционная заполнена специалистами, идет обсуждение. Вижу — заходит Смянович. Знаете, что меня в нем поразило? У Арнольда Федоровича так блестящие глаза, он с таким интересом задавал вопросы и живо реагировал на все, что можно было подумать, будто это не академик, а любознательный студент-медик, только начавший открывать для себя горизонты специальности.

Обсуждение результатов обследования с Антоном Родичем.